

УДК 81:347.781.8

Л. И. Тимофеева

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

СУДЕБНЫЕ РЕЧИ А. Ф. КОНИ: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируются лингвостилистические особенности ряда обвинительных речей А. Ф. Кони, отмечается разнообразие средств стилистического синтаксиса, используемых выдающимся судебным оратором, подчеркивается контекстуальная роль вопросительных предложений, периода, стилистических фигур и другое.

Ключевые слова: судебное красноречие, обвинительная речь, стилистический синтаксис, вопросительная конструкция, глагольное речеведение, однородные члены предложения, период, стилистические фигуры.

Полтора века назад окончил Московский университет со степенью кандидата прав молодой человек, начавший юридическую деятельность со скромных секретарских должностей в судебных палатах Петербурга и Москвы и ставший впоследствии самым ярким представителем нового отечественного типа государственного обвинителя. Это был Анатолий Фёдорович Кони, известный русский юрист, общественный деятель, литературовед, превосходный судебный оратор, почётный академик изящной словесности, 170-летие со дня рождения которого юридическая общественность отметила в прошедшем 2014 году. Он стал одним из основоположников русского судебного красноречия, активно развивавшегося после проведения в России судебной реформы в 1864 году.

К отечественной плеяде выдающихся судебных ораторов, появившейся во второй половине XIX в., наряду с А. Ф. Кони, относились Ф. Н. Плевако, С. А. Андреевский, Н. П. Карабчевский, А. И. Урусов, В. Д. Спасович и другие. По свидетельству современников, их речи буквально потрясали слушателей. И это не случайно, поскольку этих юристов-ораторов отличал широкий общественно-философский подход к рассматриваемым фактам, высокий профессиональный уровень, общая эрудиция, совершенство владения словом, высочайшее мастерство в пользовании устной и письменной речью [10, с. 36]. Они были не только юристами. Многие из них писали статьи о литературе, театре, живописи, обладали широким диапазоном филологических знаний.

О вкладе А. Ф. Кони в развитие отечественной юриспруденции, судебного красноречия много писали и пишут. Оценка его теоретиче-

ских работ и практической деятельности — это задача юристов. В данной статье мы ставим целью проанализировать стилистическое своеобразие обвинительных речей выдающегося оратора.

Для речей А. Ф. Кони были характерны глубокий разбор обстоятельств дела, строгая логичность, тонкий психологический анализ действий подсудимого. Он отмечал, что «в основании судебного красноречия лежит необходимость доказывать и убеждать, т. е. иными словами, — необходимость склонять слушателей присоединиться к своему мнению» [9, с. 534]. Но чтобы судебная речь стала по-настоящему воздействующей («на суде доказать не значит убедить»), надо насытить ее образами, красками, сделать ее живой. А для этого нужно умело использовать слово. В своей статье «Приемы и задачи прокуратуры» А. Ф. Кони писал: «Слово — одно из величайших орудий человека. Бессильное само по себе — оно становится могучим и неотразимым, сказанное умело, искренно и вовремя. Оно способно увлекать за собою самого говорящего и ослеплять его и окружающих своим блеском. Поэтому нравственный долг судебного оратора — обращаться осторожно и умеренно с этим оружием и делать свое слово лишь слугою глубокого убеждения, не поддаваясь соблазну красивой формы или видимой логичности своих построений и не заботясь о способах увлечь кого-либо своей речью. Он должен не забывать совета Фауста Вагнеру: «Говори с убеждением, слова и влияние на слушателей придут сами собою» [9, с. 515].

По его собственному признанию, Кони своих речей никогда не писал. Но дар красноречия, который был дан ему от природы и развит воспитанием и образованием, волновал и увлекал слуша-

телей «красотой формы, яркостью образов и силой метких выражений» [9, с. 531]. На примере текстов его выступлений можно изучать все богатство русского языка.

Как правило, объектом лингвостилистического анализа текстов являются языковые единицы разных уровней. В данной статье мы рассмотрим средства стилистического синтаксиса, наиболее характерные для обвинительных речей этого выдающегося судебного оратора. Как известно, большинство синтаксических конструкций не имеет какой-либо определенной функциональной окраски, но именно синтаксису свойственна «способность передавать тончайшие смысловые нюансы и оттенки мысли» [2, с. 139]. На первый взгляд, многие грамматические конструкции в текстах судебных речей А. Ф. Кони кажутся несколько тяжеловесными, но насколько они грамматически правильны, точны по смыслу, четки по оформлению! В стилистическом отношении весьма значимы в них такие синтаксические средства, как ряды однородных членов, построение периода, вопросительные предложения, стилистические фигуры.

В текстах выступлений Кони обращают на себя внимание прежде всего развернутые характеристики подсудимого и потерпевшего, цель которых — подчеркнуть особенности той или иной личности. Именно в основных элементах личности Кони находил «источник к пониманию исследуемого преступления» [3, с. 34], не забывая при этом и второстепенные факты. Например, в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова», разбирая внешние и внутренние причины, побудившие Шляхтина к убийству, он подчеркивает такие особенности личности подсудимого: «*Неслужащий дворянин, проживающий без дела в деревне отца, не имеющий никакого определённого общественного положения, но уже обзаведшийся семейством, человек нервный, болезненный, до крайности самолюбивый, и тем более самолюбивый, чем незначительней и неопределённой его положение в общественной жизни*» [8, с. 132]. И в противовес этому характеристика потерпевшего Рыжова как человека «*глубоко честного и справедливого, строгого как к себе, так и к другим, любящего правду, вмещающегося за неё в чужие дела, иногда с самопожертвованием, доходящим даже до неразумия*» [8, с. 129]. Используемые практически в каждой речи подобные ряды однородных опре-

делений образуют целые блоки, выполняющие роль действенного изобразительного средства. Они позволяют зрительно представить образы участников судебного разбирательства, понять причины содеянного ими.

«Мыслить образами» помогает и использование глаголов-сказуемых в форме настоящего времени в значении прошедшего. При этом каждое действие, состояние в прошлом обозначается как бы поэтапно. В стилистике это явление называется глагольным речеведением [2, с. 202]. Для речей Кони это весьма характерное явление. Примером может служить такой фрагмент описания трагической судьбы Солодовникова [5]: «*...по приезде в Петербург он ведёт очень замкнутую жизнь, значительную часть года проводит на даче ...и, прервав почти все знакомства, доживает свой век в полном одиночестве...*» [5, с. 63]. Глаголы настоящего времени не только формируют зрительные образы, но и помогают воссоздать эпизоды преступления: «*Завязывается борьба на откосе, подсудимый пихает жену, они скатываются в минуту по жидкой грязи, затем он схватывает её за плечи и, нагнув её голову, суёт в воду*» [4, с. 51].

В судебных речах А. Ф. Кони часто используется особый вид развернутого синтаксического построения, форма которого хорошо приспособлена для убеждающего рассуждения. Это так называемый период — конструкция, характеризующаяся единством темы, освещенной достаточно полно и разносторонне. Период в ораторской речи — это цельное логическое рассуждение, включающее две части: аргументы и вывод, причем способы синтаксического оформления этих частей различны. Например, 1-я часть — это ряд однотипных придаточных, затем следует вывод: «*Когда же зритель не совсем посторонний, когда он даже очень близок к убийце, когда убийство происходит в пустынном месте, осенью и сырою ночью, тогда немудрено, что Аграфена не совсем может собрать свои мысли и не вполне разглядела, что именно и как именно делал Егор*» [4, с. 49–50]. Или 1-я часть — предложение с однородными придаточными, 2-я — бессоюзно присоединенное придаточное предложение, выражающее обобщающую оценку: «*И действительно, если проследить всю деятельность Станислава Янсена, если посмотреть на его положение в деле, нельзя не заметить, что это*

человек, который никогда очевидным, явным, резким виновником какого-либо преступления явиться не может: он слишком опытен, слишком много пережил, слишком много испытал профессий, чтобы так легко попасться в подобном деле, как его сын...» [7, с. 104]. Период, как видим, это небольшой связный текст в виде одного предложения, в котором логичность рассуждения сочетается с эмоциональным описанием той или иной ситуации. Поэтому не только А. Ф. Кони, но и другие судебные ораторы широко использовали это синтаксическое средство.

Важную в стилистическом отношении роль играют в судебных речах Кони разного рода вопросительные конструкции. Так, очень часто при выяснении обстоятельств дела используются логические вопросы, которые отражают последовательное движение мысли оратора: «Чего же суетится так этот благодетельствованный, бросает покойного без призора...? Почему он бежит из спальни умершего к себе наверх? Чего он ищет в комодке и ящиках, отпирая их разными ключами?» [5, с. 69]. Такие вопросы привлекают внимание судей, «подчёркивают важность названных доказательств для решения суда» [1, с. 218]. Вопрос и ответ на него образуют вопросно-ответное единство — одно из важнейших средств контакта с судебной аудиторией, весьма действенный ораторский прием: «Где же указание на то, что между ними существовали такие отношения, которые давали бы возможность предполагать, что одно из этих лиц могло подарить другому 35 тыс. руб.? Таких отношений между ними, очевидно, не могло существовать и не существовало» [6, с. 79]. В речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» этот прием использован для имитации внутреннего диалога подсудимого, отражающего его психологическое состояние перед совершением преступления, что, несомненно, усиливает экспрессивность текста: «Вглядитесь в обстановку Егора и отношения его к жене. Надо от неё избавиться. Как, что для этого сделать? Убить ... Но как убить? Зарезать её — будет кровь, нож, явные следы ... Отравить? Но как достать яду... Самое лучшее и, пожалуй, единственное средство — утопить. Но когда? А когда она пойдёт провожать его в участок, — это время самое удобное» [4, с. 49].

Особую образность судебным выступлениям придают стилистические фигуры (риторический

вопрос, анафора, градация, антитеза и др.). Так, повышенную эмоциональную нагрузку несут риторические вопросы, цель которых — не получение ответа, а привлечение внимания слушателя к тому или иному явлению. Они использованы, например, в рассуждении о характере и образе жизни умершего Н. Солодовникова: «Ужели он прожил в три с половиною месяца 15 тыс. руб.? Ужели он, жизнь которого мы знаем, проживал до 50 тыс. руб. в год?» [5, с. 69]. Риторическим вопросам, используемым оратором при выяснении обстоятельств произошедшего, особенно сильное звучание придает анафора — повтор одинаковых слов в начале рядом стоящих предложений: «Где, если не скорбь друга, то благодарность только что одаренного; где, если не благодарность, то простое приличие поведения самого развитого из домочадцев покойного!?» [5, с. 69].

В обвинительных речах А. Ф. Кони обращает на себя внимание высокая частотность употребления градации. Это стилистическое средство, состоящее из двух или более единиц, размещенных по возрастающей интенсивности действия или качества [1, с. 215]. Изобилует такими конструкциями речь «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой её мужем». Именно градация позволяет Кони подчеркнуть черты характера и поведения каждого участника трагического события, причем в составе ее могут быть разные части речи. Например: «Но бывают дела другого рода, где свидетельские показания имеют совершенно иной характер, они сбивчивы, неясны, туманны...» [4, с. 41]; «Первое время они живут счастливо, мирно и тихо...» [4, с. 45]; «Это характер твёрдый, решительный, смелый» (о подсудимом Егоре Емельянове) [4, с. 47]; «Итак, это вот такая личность: тихая, покорная, вялая и скучная, главное — скучная» (о характере жены Емельянова) [4, с. 47]; «Она зовёт, манит, туманит, раздражает... (об Аграфене Суриной, любовнице Емельянова) [4, с. 48].

В речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» как средство характеристики подсудимого и потерпевшего употреблена антитеза (резкое противопоставление): «И вот, такие два человека, совершенно противоположные по своему развитию и привычкам, один — ничего не делающий всю жизнь, другой — трудящийся, деятельный; один — весьма легко относящийся к обязанностям, другой же — со всей строго-

стью, сурово и резко, — эти люди сошлись на время, ввиду разных целей» [8, с. 132]. В другом судебном выступлении антитеза удачно использована для опровержения слов подсудимого Сусленникова: «В самом деле, как мало похожа на покойного подобная щедрость! Считать и учитывать каждую копейку, во всём себе отказывать — и забыть про 10 тыс., ...жить для себя, думать исключительно о себе — и оставлять на расходы по смерти всего 28 руб.; всю жизнь быть аккуратным и деловитым, а вместо завещания с торжественным признанием услуг ближайшего человека — сунуть ему деньги тайком, без свидетелей этой щедрости ...это всё совершенно неправдоподобно!» [5, с. 68]. Этот прием способен вызвать у слушателей яркие представления о лицах, действиях, при этом «... мысль выигрывает в силе; ...она выражается в сжатой форме, и это также увеличивает ее выразительность» [11, с. 57].

Подчеркнуть важность каждого факта, усилить экспрессивность высказывания — это функция многосоюзия. Особенно эффективен в этом плане повторяющийся союз **и** при однородных членах, например, в заключительной части выступления: «**И 10 тыс., предназначавшиеся будто бы кухарке, и вырученное из хищнических рук кольцо, и деньги за бриллианты — всё это не отдано своевременно тому, кому следовало по праву...**» [5, с. 71]; при анализе душевного состояния подсудимого Шляхтина: «**Но где анализ и сомнения — там и охлаждение порывов, и наблюденье за собою, и копанье в самом себе, а следовательно, и некоторая препона необузданной игре нервов**» [8, с. 131].

А. Ф. Кони, как известно, не стремился использовать риторические украшения, но, в меру употребленные, фигуры речи удачно вписались в контекст его выступлений.

В целом тексты обвинительных речей А. Ф. Кони отличает разнообразие средств стилистического синтаксиса, использование которых подчеркивает незаурядный филологический дар выдающегося юриста. Его речи входят в число лучших образцов судебного красноречия, а внимательное, бережное отношение к слову, которое проповедовал А. Ф. Кони, будет актуальным во все времена.

1. Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия (Риторика для юристов): учеб. пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 592 с.

2. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977. 223 с.

3. Кони А. Ф. Избранные труды и речи. М.: Юрайт, 2011. 589 с.

4. Кони А. Ф. По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем // Кони А. Ф. Избранные труды и речи. М.: Юрайт, 2011. С. 41–56.

5. Кони А. Ф. По делу о расхищении имущества умершего Николая Солодовникова // Кони А. Ф. Избранные труды и речи. М.: Юрайт, 2011. С. 57–71.

6. Кони А. Ф. По делу о подлоге расписки в 35 тысяч рублей серебром от имени княгини Щербатовой // Кони А. Ф. Избранные труды и речи. М.: Юрайт, 2011. С. 72–94.

7. Кони А. Ф. По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах, обвиняемых во ввозе в Россию фальшивых кредитных билетов, и Германии Аккар, обвиняемой в выпуске в обращение таких билетов // Кони А. Ф. Избранные труды и речи. М.: Юрайт, 2011. С. 95–122.

8. Кони А. Ф. По делу об убийстве статского советника Рыжова // Кони А. Ф. Избранные труды и речи. М.: Юрайт, 2011. С. 123–140.

9. Кони А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Кони А. Ф. Избранные труды и речи. М.: Юрайт, 2011. С. 511–589.

10. Порубов Н. И. Риторика: учеб. пособие. Минск: Высшая школа, 2001. 384 с.

11. Сергеев П. Искусство речи на суде. Тула: Автограф, 1998. 320 с.

1. Ivakina N. N. Osnovy sudebnogo krasnorechiya (Ritorika dlya yuristov): ucheb. posobie. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 592 s.

2. Kozhina M. N. Stilistika russkogo yazyka. M.: Prosveshchenie, 1977. 223 s.

3. Koni A. F. Izbrannye trudy i rechi. M.: Yurayt, 2011. 589 s.

4. Koni A. F. Po delu ob utopenii krest'yanki Emel'yanovoy eio muzhem // Koni A. F. Izbrannye trudy i rechi. M.: Yurayt, 2011. S. 41–56.

5. Koni A. F. Po delu o raskhishchenii imushchestva umershego Nikolaya Solodovnikova // Koni A. F. Izbrannye trudy i rechi. M.: YUrayt, 2011. S. 57–71.

6. Koni A. F. Po delu o podloge raspiski v 35 tysyach rubley serebrom ot imeni knyagini SHCHerbатовой // Koni A. F. Izbrannye trudy i rechi. M.: YUrayt, 2011. S. 72–94.

7. Koni A. F. Po delu o Stanislave i Emile YAnsenakh, obvinyaemykh vo vvoze v Rossiyu fal'shivyykh kreditnykh biletov, i Germanii Akkar, obvinyaemoy v vypuske v obrashchenie takikh biletov // Koni A. F. Izbrannye trudy i rechi. M.: YUrayt, 2011. S. 95–122.

8. Koni A. F. Po delu ob ubiystve statskogo sovetnika Ryzhova // Koni A. F. Izbrannye trudy i rechi. M.: YUrayt, 2011. S. 123–140.

9. Koni A. F. Priiomy i zadachi prokuratury // Koni A. F. Izbrannye trudy i rechi. M.: YUrayt, 2011. S. 511–589.

10. Porubov N. I. Ritorika: ucheb. posobie. Minsk: Vysheyschaya shkola, 2001. 384 s.

11. Sergeich P. Iskustvo rechi na sude. Tula: Avtograf, 1998. 320 s.

L. I. Timofeeva

Mari State University, Yoshkar-Ola

JUDICIAL SPEECH A.F. KONI: LINGVO STILISTIC ASPECT

The author analyzes the linguo stylistic features of a number of accusatory speeches by A. F. Koni, emphasizes the variety of stylistic syntax tools used by outstanding judicial orator, notes the contextual role of interrogative sentences, period, stylistic figures and others.

Key words: court eloquence, speech for the prosecution, stylistic syntax, question design, verbal speechology, homogeneous parts of the sentence, period, stylistic figures.